

планах, да внушит ужас вашему закоснелому сердцу хотя бы то, что вы лишились не только мудрости, но даже начала мудрости. В самом деле, нет ничего страшнее положения того преступника, который бесстыдно и не страшась Бога делает все, что ему заблагорассудится. И часто злодей наказуется тем, что, умерев, забывает себя самого, как при жизни он забывал Бога.

Но если ваша упрямая дерзость привела к тому, что, подобно горам Гелвуйским, вы не знаете небесной росы, и если вы не убоялись воспротивиться решениям Вечного Сената и не боитесь того, что не убоялись, – может быть, вас не коснется и страх – страх человеческий и мирской – перед неизбежно приближающейся гибелью вашего надменного племени и вместе с ним вашего постыдного упрямства? О единодушные в злых начинаниях! О ослепленные диковинной жадностью! Вам не поможет вал, которым вы себя окружили, не помогут стены и башни, когда обрушится на вас страшный орел в золотом поле. Разве он, паря то над Пиренеями, то над Кавказом, то над Атласами, усиленный воинством небесным, однажды в полете не увидел под собой широкий простор океана? Что поможет вам, о ничтожнейшие из людей, когда вас повергнет в ужас появление того, кто усмирит буйную Гесперию? Нет, никогда безумная надежда, которую вы тщетно питаете, не поможет вам, с вашим непослушанием; но когда придет законный государь, он еще больше распалится, увидев воздвигнутые вами преграды; и, охваченное гневом, устремится прочь милосердие, которое неизменно сопутствует воинству его; и там, где вы собираетесь отстаивать приют ложной свободы, вы угодите в узилище подлинного рабства. Ибо надлежит помнить, что, согласно удивительному закону Господнему, именно там, где злодей надеется избежать заслуженной кары, она обрушивается на него с большей силой; и тот, кто сознательно противится воле Божьей, сам того не ведая, волей-неволей становится ее орудием.

Охваченные горем, вы увидите разрушенными тараном и испепеленными в огне постройки ваши, не защищенные стенами возрожденного Пергама, сооруженные для ваших нужд и неразумно превращенные в места преступлений. Повсюду вокруг вы увидите смятенный люд, то разделенный мнениями – «за» и «против», то единый в едином желании и устрашающе ропщущий на вас, ибо он не умеет одновременно голодать и бояться. И вам будет больно взирать на разграбленные храмы, в которые каждый день ходят толпы жен, и на изумленных и неразумных детей, вынужденных искупать грехи отцов. И если не обманывается мой вещий ум, который, опираясь на правдивые знамения и на неопровержимые доводы, предсказывает будущее, вы увидите город, поверженный нескончаемой скорбью, отданный в руки иноземцев, и часть из вас погубит смерть или темница, а немногие оставшиеся в живых будут рыдать и томиться в изгнании. Добавлю вкратце, что за свою приверженность рабству вам не избежать позора и тех же самых несчастий, которые за его верность свободе довелось испытать славному городу Сагунту.

И не храбритесь, вспоминая случайное счастье пармцев, которые, побуждаемые голодом, плохим советчиком и поначалу подбадривавшие друг друга: «Умрем от оружия!» – вторглись в отсутствие императора в императорский лагерь. Ибо, хотя они одержали победу над Победой, они тем не менее извлекли из боли незабываемую боль. Вспомните лучше молнии Фридриха I, подумайте также о Милане и о Сполето, и ваше чересчур надменное нутро, подавленное этими восставшими и тут же разрушенными городами, похолодеет, и сожмутся ваши распалившиеся сердца. О тщеславнейшие из тосканцев, безумцы от природы и от дурных привычек! В отличие от людей зрелых вы не видите, глупцы, как неверны во мраке ночи шаги вашего больного сознания. И люди зрелые и незапятнанные, следуя своим путем, взирают на вас, что стоите чуть ли не на пороге темницы и все-таки отталкиваете того, кому случается пожалеть вас, чтобы он ненароком не избавил вас от тюрьмы и от тяжести наручников и колодок. И, будучи слепыми, вы не замечаете, что именно владеющая вами жадность обольщает вас ядовитыми речами, и помыкает вами при помощи безумных угроз, и насильно втягивает вас в грех, и мешает вам руководствоваться священными, основанными на природной справедливости законами, соблюдение которых, когда оно в радость и по доброй воле, не только не имеет ничего общего с рабством, но, по здравому рассуждению, является проявлением самой совершенной свободы. А что такое свобода, если не свободный переход (который законы облегчают каждому, кто их уважает) от желания к действию? Следовательно, если свободны только те, кто охотно подчиняется законам, то какими считаете себя вы, которые, притворяясь, будто любите свободу, противитесь всем законам и составляете заговор против главного законодателя? О злосчастнейшее племя фьезоланцев! О варварство, наказанное вторично! Неужели вас недостаточно страшат вкушенные однажды несчастья? Нет, я думаю, что, изображая надежду на лице и в лживых словах, вы заранее